

18+

Январь
2020

**СБОРНИК
СОДРУЖЕСТВА
АВТОРОВ**

1

Литературный клуб "Чёрное перо Пегаса"

**У костра
всадников**

Анна Анатольевна Ревенко
У костра всадников. Сборник
содружества авторов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558214

ISBN 9785449836182

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Перед вами первая книга из серии сборников литературного клуба «Чёрное перо Пегаса». Тематика всех произведений имеет мистическую мрачную тональность. Лечим светлые души тьмой. Приятного чтения. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

@anna_and_роем – Анна	5
@_amorei_ – Анастасия	14
@vladimir_nemerov – Владимир	20
@fatality.798 – Ольга	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

У костра всадников
Сборник
содружества авторов

Главный редактор Анна Анатольевна Ревенко

ISBN 978-5-4498-3618-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

@anna_and_роем – Анна

Шабаш на белом холме

Юная Фалази была ранимым ребёнком. Чутко она относилась к своим ощущениям рядом с людьми и животными, любила говорить с птицами. А обидеть её можно было очень легко.

Сегодня она заснула на закате, хотя бабушка строго запрещала это, говорила, что маета нападёт. Но ослушалась девочка. И вот начал девочке снится один и тот же сон.

В сновидении она просыпалась, продолжая на яву мирно спать. Казалось ей, что она медленно парит над поверхностью земли. Лёгкий сквозняк понёс девочку прочь от постели... Рябиновой зарёй горел закат на окне спальни. Распахнул створки окна восточный ветер. Лёгкая Фалази вылетела в окно, минуя сад, поднялась высоко над улицей, над городом. Летела она так быстро, что предметы размывались... И вот перед ней холм белый от первого снега. На самой маковке того холма горит костёр, а вокруг стоят тёмные люди с чёрными перьями в руках.

Просыпалась резко, сердце колотилось, лоб мокрый, руки ныли. Этот сон часто снился ей. Когда исполнилось ей 18 лет во сне она смогла разглядеть лица тех людей, свитки с клеймом, которые они жгли в том костре. Решилась она и стала

с ними в круг возле костра. Люди сняли чёрные капюшоны, долго смотрели ей в глаза, а потом стали шутить и смеяться, травили байки, ели тёплые яблочные пироги... Какой тут страх? Весело было. А какие стихи они читали!

Проснулась тогда Фалази счастливой. На подушке лежало чёрное перо, а на стуле висела чёрная мантия с капюшоном. Накинув его, подошла Фалази к ночному зеркалу, стёрла с него пыль ладонью своей... В отражении за её спиной стояли семнадцать тёмных силуэтов. Но не боялась она больше, сила растекалась внутри чёрной водой, омывала тонкие субстанции души, делая струны её голоса пронзительными.

С той поры больше никто не мог ранить сказочницу ни словом, ни делом. Стала она силой особенной, которая способна оживить образы мнимые. Румянец расцвёл на её щеках навечно.

Мы – тени у костра с чёрными перьями Пегаса, мы пишем для тебя.

История рождения нашего Пегаса.

Кладбище белого единорога

В далёких степях скифских жила в диком табуне стройная кобылица вороная, не было краше той кобылы. Вожакom табуна был сильный жеребец исполинского роста, бурые бока его блестели, грива сверкала, а на лбу цвела белая роза –

особая метка высшего сословия полубогов.

Люди не приписывают животным душ, не считают их достойными испытывать чувства, любить и ненавидеть, но это не так. В первую полную луну весенней ночью венчались в роще диких акаций вожак и воронья кобыла. Лунный свет серебрился на молодой листве, струился по спящим цветам, а конь закрывался мордой в чёрные косы своей избранницы. Табун ночевал в километре от них. Ревновали кобылы, не до сна им было в ту лунную ночь. Старшая пёстрая кобыла смотрела вверх на луну и, проклиная соперницу, рыдала. Нет страшнее заклятия, чем то, которое послано полной луне от сердца.

После той ночи в табуне шептались о том, что воронья ждёт жеребёнка. Почти год спустя в той же роще кобылица разродилась двумя жеребятами. Один белый, а второй чернее пера самого чёрного ворона. Пока они не окрепли, она поила их молоком, а отец носил любимой букеты из пролесков.

Жеребята были особенными, не были они похожи на других малышей. Росли быстро, догнать их не мог никто. У чёрного начали пробиваться перья на спине, потом крылья, а у белого на лбу появился рог. Зла и добра было в них поровну. Единорог управлял погодой и радугой, врачевал раны, а Пегас вдохновлял души, лечил их от уныния. Полная луна прокляла их, обрекая на вечную жизнь и молодость. Видели они, как стареют их родители, как белая снежная степь

забирает их в свой покой, как сменяются века...

Люди узнали, что в степи у старых акаций водят табун гордый конь с чёрными крыльями и белый конь с волшебным рогом. Не раз они пытались приручить или убить тех жеребцов. Пегас улетел спасать человечество от уныния и злобы, силой заставлял людей вместо ножей брать перья свои и слагать на бумаге боль и печаль, грусть и радость.

Единорог же защищал степь свою, отражал стрелы и мечи белой вечной шкурой, пронзал рогом врагов. Врачевал избранных, топтал негодных. И вращали в степные ковыли черепа и кости врагов, осколки их щитов, обломки их стрел, металл их доспехов.

Весной у древней узловатой акаций встречаются в свете луны братья. Пегас прилетает весь в ранах от жестокости людской, обнимает чёрными крыльями белого скакуна, а Единорог в ответ слезами горькими заживляет раны. До утра они гуляют по кладбищу и молчат о важном. А весенняя луна играет им на призрачной скрипке с ликом чёрного черепа музыку вечности...

Есть ли в тебе тьма

Если в тебе чёрный цвет?

Разве нет?

Нет – это не ответ.

Есть ли в тебе червоточины?

Когти тоже не заточены?
Ангелы ночуют у обочины.

Если в тебе гниль и сор,
Прорези от бывших спор,
Демонов рой, то в зазор
Светит невозможный свет...
Если чёрного в тебе нет,
То как разглядеть контраст
Между белым и чёрным каст?

Моно не играет, не живёт тут.
Если ты – тьма, тебя уже ждут.
Говори то, что кипит внутри,
Не можешь – читай и смотри,
Не решился – пиши, но сотри.

Начинаем. Раз, два, три!

Без крыла как поэт без пера

Лошадь белая родила его
На исходе кровавой луны.
Облизала с любовью всего
Влажностью липкой слюны.

Вскормлен до рвоты туманом,
Сыт грехом пошлости до пьяна.
Любви добивался обманом,
Подливая красоткам вина.

Никогда никого не любил.
Слёзы лили во след. Всё бывало.
Сколько душ молодых загубил,
Но ему было скучно и мало.

Девки бредили, звали назад,
Восхваляли жестокого песней,
Но уже не горел ими взгляд,
Поиск жертвы куда интересней.

Сколько од написали о нём,
Сколько рифм перебрали, увы.
Наш Пегас спит в убежище днём
И не кажет на свет головы.

По ночам мужем входит в дом
К новой жертве искусства страстей.
Бог, поэт, нигилист и садом
Полон новых кошмарных затей.

На рассвете сменив ипостась,

Вновь крылатым конём улетит.
Дева плача, забыть всё клялась,
Ведь сообщество ей не простит.

Только он ей меняет геном,
Что под кожей напалмом горит.
Бог, поэт, нигилист и садом —
Неизвестный зоологам вид.

Власть тьмы

В очередь становилось отродье суккубов
У трона их пастыря, их вечного чёрного короля.
Асмодей брал их властно и до крайности грубо,
Для утехи и в наказание, воспитания для.

Задирали высоко в прогибе свои хвосты,
Там, где не было широко – становилось.
Демон, знавший грязь вязкую и степени чистоты,
Казнил их собою. Считают пусть за милость!

Рычал в вожделении пред одним лишь ликом,
Его представлял с каждой из хвостатых сук.
Хватал за косы когтями в порыве диком,
Что вздувались толстые вены на коже рук.

И только одна могла приручить его и остудить.
Спала мирно в белой сорочке. Над кроватью её распятие.
И эту невыносимую меру пришлось ему заплатить —
Невинная девушка – противоречие и неприятие.

Сукубы орали, от боли и усталости изнывая,
Проклинали причину их повинности хозяина ублажать.
Асмодей лютовал, сотую до души раздевая,
А хотелось ему ту смертную и единственную обожать.

Посылал к ней сук падших в белых хламидах,
Чтобы те у её окна поливали кусты чёрных роз.
Смотрел издали на спящую, а душила обида,
Вытекала из глаз его струйкой кровавых слёз.

И не видел никто, как клокочет огромное сердце,
Как вздымает спину горбатую бушующий Асмодей.
Он готов до костей перед тем распятым раздеться,
Только чтоб провести одну нежную ночь с ней.

И решился. Ворвался в окно сквозняками,
Одеяло сорвал с постели одним движением.
Скользил под сорочкой пылающими руками
Пред полным стана любимого обнажением.

А когда предстала она голая перед ним, рыдал.

Шептала она молитву и крестилась тремя перстами.
Вынул из груди своё сердце и в руку ей дал.
– Любимая, эта пропасть всегда будет между нами. —

Смотрела она и молчала, билось сердце ещё в руке.
Он сгорал перед ней, дымились уже ключицы.
Надо сказать хоть что-то, но сухо на девственном языке,
А демон уже смыкал от боли свои ресницы.

Смотрела она как пылал он до пепла, серого праха.
Тогда она сердце тоже швырнула в тот костёр...
Представил всю эту сцену Асмодей и послал всё на хуй,
Чихнул и залпом огня дом этой девушки с планеты стёр.

@_amorei_ – Анастасия

Клубника

Замороженная клубника, крошки горького шоколада,
Лоскуты прошлогоднего лета, дары солнечного полотна,
Осыпающаяся под одеяло заоконных пейзажей прохлада,
Послевкусие полной безвкусицы в одиночной камере сна.

Нелюбовь

Абсолютная пустота вокруг твоего дома.

Поступь уверенная размеренная
в видимости твоего телефона.

Вокруг стаями неосязаемые, незримые, непобедимые...

Те что не сумели стать важными, абсолютными, неоспоримыми.

С дивана сползают чёрные под таким освещением тело моё и кровь,

И корчится на белой простыне жаждущая отмщения сама собой раненая нелюбовь.

Пустота квадратом бьёт от потолка в пол и я начинаю слышать, как наступает смерть.

Медленно, как бы давая насладиться моментом, расставляет вокруг зеркала, что бы можно было смотреть.

Одиночество, что раньше казалось тягостным таким чувством, вызывало лёгкую тошноту,

Теперь в зеркалах направленных на меня превращается в созданную из меня же самой толпу...

И это толпа неподвижно одинаково лежит в неестественных позах на самом краю твоего экрана...

Я закрываю глаза я больше не испытываю никакой нелюбви, а смерть наклоняется и говорит :

«Рано. Тебе ещё рано. Жди.»

Ні

Листаю жизнь

Балкон. Декабрь. Рассвет.

Две чашки чая. Битые бокалы.

Хрустальным звоном дымом сигарет

Прикрытые от памяти скандалы

Не откровенно лживо как в кино.

Наигранные сцены – обесценить?

Все стёрто сметено обнулено

Обречено на нежелание верить

Спектакли. Сцены. Закулисье рук.

Поспешность. Суетливость. Обречённость.

Постели скрип. Биение. Грохот. Стук.

Провал. Обвал. Преступная влюблённость.

Стихи-грехи и нагота души

Такая беззащитная как правда
Ты говоришь: «Мне больше не пиши.»
Я отвечаю коротко: «Ну ладно.»
Похолодало – лёд сковал слова
Немые сцены полные укора
Позора взора страшного суда
И в зазеркалье само-разговора
Обрушен снегом перезрелый рок
«НАШЕСТВИЕ» на полустёртом диске
Почти мертва ночь Питер дождь и смог
Но снова ты – две буквы по по-английски
Вибрации. Тревога. Пульсом дробь.
Виски. Тиски. Мгновение. Падение.
Печаль. Тоска. Опустошение. Скорбь.
Итогом ПСИХО-СТИХО-ИСЦЕЛЕНИЕ.
Листаю жизнь и вырываю часть
Главу страницы буквы строчки ямбы
Январь. Светает. Тело хочет спать
Пролистан миг опять одна
И ладно

Зима

Зима. По Арбату по МКАДу замела заметелила бессты-
жее тело столицы

В последнее время я много пишу и теперь ещё пьесы раз-

говорного жанра в лицах

В среду было кино чёрно белое я достал револьвер вставил патрон и хотел застрелиться

Но не смог даже взвести курок от стыда я стоял на коленях и пытался без мата молиться

Снегопад. Замело так сурово что белое стало привычным и не режет глаза

Я давно не варил себе кофе и тебе не варил так давно что кажется никогда

Из написанного лучше горит то что пишется после бутылки

пятилетнего армянского коньяка

Мне иногда хочется позвонить точнее хочется звонить постоянно но не поднимается рука

Метёт. В окне уже просто нет никаких иных цветов и очертаний как впрочем и во мне

Сегодня утром я в зеркале не увидел своего лица потом вспомнил что вчера утопил его в белом полусыром вине

Всё вокруг стало белым и вино и лицо и листья даже последняя ложка сахара на белом фарфоровом дне

Я потерял счёт ночам последний раз я спал кажется не помню точно но вроде бы в декабре

Снегопады. Я понял что не люблю новых вещей и вообще

всяческих перемен

Поэтому я сломал в доме всю мебель полностью всё что можно было сломать кроме дверей и стен

Я оставил двери потому что они символичны хотя если честно я и сам не знаю зачем

Я задумал два дела напиться и застрелиться если точно буду уверен что ты ушла насовсем

Молчишь. Где ты находишься? С кем ты? Я даже боюсь думать о том что кто то трогает твою грудь

Ещё одна ночь и я разнесу к чёртовой матери все эти двери и стены и даже саму СУТЬ

Моя жизнь уходит вместе с тобой я это вижу но боюсь что не знаю как вас обеих вернуть

Но если бы я выбирал я бы выбрал тебя.

И не пожалел.

Ничуть.

Почему мы не спим

Тут молчание золотом плавит меч

Револьвер мягко щёлкает на ZERO

Бьёт свинцовой картечью по спинам плеть

И кузнец прямо в сердце ночами куёт перо

А по улицам стыннут рассыпанные огни

И пустует под майкой мишенью сердечный тир
Позвонить бы заранее вызвать себе 03
Но помехи излишеством слов не дают эфир

То ли это всё LIFE то ли это полночный бред
Я пытаюсь заснуть пока молот в груди притих
Но безумные строчки разбудят и включают свет
Что бы я написала вот этот дебильный стих

Вот зачем это всё? Ведь умеют же люди спать
Закрывают глаза пополам делят кадры снов
Я пытаюсь давно научиться за день устать
Так чтоб просто не слышать назойливых в рифму слов

Но какая то сила заставляет меня писать
Это видимо вирус и возможно заразная хрень
Помогите поэту уложите больного спать
И забейте гвоздями в его подсознание дверь.

@vladimir_nemeron – Владимир

Савонарола

Я знаю: сгинет прах, несъеденные кости
Закаменеют в тьме тысячелетий,
И вечной нет Любви – лишь шорох междометий
Рвут люди друг у друга в ужасе и злости

Там нет отмщения, где исчезают лица;
Лишь смерти страх диктует веру в Бога —
Вцепившись судорожно в коврик у порога
И негодяй последний пробует молиться.

Я был влюблён, теперь старик – и вижу:
Тех любят женщины, кто ни во что не верит.
Тех, кто жесток, и с хищной силой зверя
Куски из жизни рвёт, и кости Веры лижет.

Тем всё дано, кто зол и бессердечен,
Бездушный этот мир всегда у них в когтях.
Они здесь боги, но у них в гостях
Распятием Он был увековечен.

И если смерть твоя идёт в молчаньи строгом

Не зло припомни и несправедливость:
А как сражался, что бы ни случилось
За всех людей – в них есть частица Бога.

О чём мечтать?

Когда любовь греховна, скажет кто,
о чём мечтать ближайшие столетья?
И безответна. Я не Жан Кокто,
Меня азарт не тешит безбилетья.

Становится чердак мой – благодать!
Всё запылённой, суше, паутиной;
Я старой куклой буду умирать
на этом чердаке. И у Эриний

Я радостей, чтоб подсластить пирог,
Не попрошу, как нищий денег медных —
мой ангел равнодушен и далёк,
как голосистый бизнес-проповедник,

как синий свет для Лени Риффеншталь.
И сколько б вы на свет меня не звали,
Я не приду. Познавшему печаль
всё кажется предвестием печали.

Чёрный сонет

Ты справедливым это назови
Или победой разума над страстью,
Но ты легко на «счастье без любви»
Пойдёшь, перегорев в «любви без счастья».

Но справедливей будет во стократ
Вернуться ей к тебе весной нежданной,
И ты все капиталы будешь рад
Забросить в топку страсти первозданной.

И, позабыв про «жизненный успех»,
Позорен и смешон в глазах у всех,
Ты будешь слеп и счастлив, как мальчишка.

Но если разум сможет помешать,
И от такого счастья удержать —
Его заменит чековая книжка.

@fatality.798 – Ольга

Суккуб

Разрешите представить – это суккуб, дьяволица.

У нее талант за секунды из раненной птицы превращаться в тигрицу.

У нее нет возраста, чувства такта.

Она ничего и тем более никого не боится.

Меняет локации, лица.

Спальный район или центр культурной столицы.

А когда ей не спится, она приходит и мастерски ранит словом.

Убивает взглядом.

Виртуозно делает больно особенно тем, кто находится рядом.

Отравляет ядом, который по венам, артериям сочится в самое сердце.

Она страшнее всех вместе взятых стихийных бедствий.

И от действий таких получает какое-то извращенное удовольствие.

(Но как по мне, то лучше б ломались кости бы)

И не дай бог кому-то из вас повстречаться с ней лично.

На вопрос: «Как дела?» отвечает всегда: «Отлично!»

Может долго терпеть, глотая по капле обиды.

Почему бы и нет?

Ведь то, что внутри – не видно!

Ведь то, что мертво уже умереть не может.

И что кроме себя самой ей, увы, никто не поможет.

Мне известны самые темные из ее ипостасей.

И нет ничего ужасней, ведь она уходит так же внезапно,
как появляется.

Оставляя меня в слезах, с пересохшим горлом и напрочь
сбитым дыханием выползает из эмоциональной комы.

Ну что ж, поздравляю, теперь и вы с ней заочно знакомы.

VIRGO

Каждую полночь ты без страха на теле своем выводишь
четкие линии пентаграммы.

Плавятся свечи, капая воском на свежие раны.

Ты шепчешь молитвы. Нет, не этому богу.

Его ты давно забыла.

И в эти мгновения, пока дождь с остервенением хлещет
по крышам, вспоминаешь всех

тех, кого когда-то любила.

Ты безумно красива в ореоле невинности и безрассудства,
превратив соблазнения дар в

высшее в мире пороков искусство.

Я слышу слова в завываниях ветра снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.